

Л.А. Мельникова (Минск, кандидат филологических наук)

ТВОРЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В ПОЭЗИИ В.А. КАРПОВА

Лингвопоэтическое исследование художественного творчества ставит своей целью изучение способов существования «поэтического языка» конкретного автора. Для художественной речи, и особенно для речи поэтической, характерно резкое увеличение эмоциональной нагрузки на слово, поскольку и богатство художественного стиля и его индивидуальные особенности проявляются и выявляются на основе и с помощью языка. Как неисчерпаем язык в своих разноуровневых взаимосвязях, так неисчерпаемы возможности творческой личности, которая способна, используя язык в качестве материала и инструмента своего творчества, показать все его еще не раскрытые грани и глубины.

Паронимия — художественный прием, при котором сталкиваются звучание и значение слов при минимальном различии их формы. Новые ассоциации, возникающие при этом, так многомерны, что новые смыслы образующихся семантических связей дают толчок к появлению образности, которая несет в себе отпечаток авторской индивидуальности. Новизна таких связей сродни открытию в области языка. Такой художественный прием и такой способ художественного языкового мышления является характерным для языка поэзии в целом, но творческая индивидуальность поэта проявляется в уникальности найденного пути соединения слов, ранее никем не замеченного, рождающего целый ряд ассоциаций. Использование паронимии является отличительной чертой поэзии В.А. Карпова: *В рас- свете было столько доброты, что только от несчастья безучастный мог укротить или укоротить часть бытия определенным часом; Скользят нетопырями, паря и испаряясь в свете ламп, слепые мысли; теснота тесьмы тисками стиснет* и др.

В стихах В.А. Карпов воплощал свое стремление к нахождению и научному обоснованию разнообразных языковых связей. В большинстве случаев они — свидетельство этимологических и фразеологических взаимоотношений, возвращения к первоначальной семантике слова либо фразеологизма. Смысловые связи, возникающие в сочетаниях многомерны, они значительно превосходят структурные, которые в стихотворной речи всегда полифункциональны: *Тень уже сгущалась в тьму, грозила круговой порукой, от чувств шарахалась к уму; В ночи настольные костры горят. Не греешься, а всходишь на них...; Выходила ночь, как комментарий к извечной книге бытия; сгорали ночи; перебирает ночь; и утро бездомно, и ночь бесприютна. Ночь* — один из индивидуально-авторских символов В.А. Карпова: *ночь всходит* (как всходит солнце?), *взойти на горящий костер* (греться у костра — обречь себя на мучение, самопожертвование), *настольные костры* (муки творчества?), *ночи* могут гореть и т.д. Эти образы тесно переплетаются между собой в стихах, рождая осознание того, что *ночь* для поэта — это и время для вдохновения, для концентрации работы мысли, время света и творческого прозрения, а также время одиночества и душевного потрясения. Поэзия для В.А. Карпова — это и «настоящая внутренняя жизнь» (А.С. Грин), и «искусство видеть мир» (К.Г. Паустовский).

Органичное влечение, «вживание», фразеологизмов в стихотворный текст является отличительной чертой авторского стиля, при этом различная степень их недосказанности и творческая трансформация служат непременным условием их функционирования в речи: *«Сон разума. Чудовища живут не на картине — видел наяву...»*. Многие фразеологизмы выходят из-под пера автора обновленными и нетривиальными: *Спасительный круг двух рук не обнимет*. Устойчивое словосочетание *спасательный круг* дополнено и переосмыслено семантикой прилагательного *спасительный*, а последующий контекст способствует появлению многослойных ассоциаций. Модификация фразеологизмов и других несвободных словосочетаний, в которых компоненты предполагают соединение только с определенным словом или группой слов, осуществляется различными способами. Наиболее часто происходит трансформация фразеологического словосочетания путем лексической замены одной из его составляющих: *Навалится боязнь строки и слова; закатав тоску по локоть; прорубая окна к свету*. Трансформация несвободного словосочетания осуществляется при помощи изменения его структурных компонентов: *Мы пришли убирать камни с поля; И безбожники ищут Бога и судьбы. А она — индейка; Да что там, чужой роток не закроет даже платок; Семь бед. Ответ. Все нипочем; Рубят лес — щепу не считают; запретов круг; из терний венец*. Характерным является также совмещение, объединение нескольких значений, нескольких несвободных словосочетаний: *А ты — свободна и легка — и на лету, и на помине; Вдохновение испуга за душою по пятам; в грош не ставящий все то, что дают за грош; ...прахом без следа пошли труды Сизифа*. Узуальное словосочетание служит основой для появления окказио-

нального, для нового его прочтения: *Ни на минуту, ни на йоту, ни на объ-
ятье, ни на поцелуй; И жизнь идет без перерыва сплошной зеленой поло-
сой; Я... был взят врасплох и отдан кругу одиночеств.* Своеобразная
«расшифровка» — замена одного слова несколькими как обоснование его
семантики: *Его душе и меры не подыщешь* (сравн. *безмерная щедрость
души*); *И мир свои пределы сузил; Трехмерен мир.., а ты — вне измерений!*

В предисловии к сборнику «Амальгама» В.А. Карпов говорит о важ-
ности для поэзии детского восприятия жизни. В его стихах часто встреча-
ются сказочные образы, наряду с персонажами литературных произведе-
ний: *«Человека... кормят истины простые. Эти истины из сказок, из то-
го родного детства...»*; *«кто...расскажет сказку про Ягу, про чудеса, где
леший бродит»*; *«Где-то волшебный ключик к двери волшебной есть»*. Об-
разы ключика, ключа от двери, и образ двери проходят лейтмотивом,
встречаясь и в ранних, и поздних стихах В.А. Карпова. При этом первоначаль-
ный, «сказочный» смысл не утрачивается, а угадывается, органично
вписываясь в образную систему его поэтического творчества: *«Лишь пово-
рот ключа в замке еще закрытой двери»*. В строках *«Жизни крутится клу-
бок колом по всем дорогам»* два образа — клубок и колобок. Они из
разных сказок, но связующие их ассоциации раскрывают многомерность
культурного и художественного, поэтического, пространства. *Колобок наш
вертит, крутит; Жизнь — клубок, разматается в путь; Колобок — про-
образ шара... Нет земли Земли милее!*

В.А. Карпов обладал удивительной способностью вносить особый,
новый смысл в привычные словосочетания, оживляя едва намеченные свя-
зи между словами. Он использовал структурные словообразовательные
модели узуса для создания окказиональных языковых единиц. При этом их
появление оправдано конкретными авторскими целями и идеями, а также
поэтическими приемами, служащими для их актуализации: *безлюдье и
бесптичье; многолюдье и предлюдье, бездомность и бездомовье, бескозы-
рье, беспарусный катер, бескупольный храм, мыс... замыслен, затмение
речи, стук хрустальнейших горошин.* Последний пример — это использо-
вание относительных прилагательных в роли качественных, еще один из
приемов, свойственных художественной речи. Поиски и находки индиви-
дуально значимых слов, не являющихся частотными в общелитературном
языке и в языке художественной литературы, т.е. в языке других поэтов и
писателей, являются конкретной авторской индивидуальной принадлежно-
стью. Прилагательное *хрустальный* в стихах Карпова синонимично словам
драгоценный, прекрасный, оно означает ‘изделие из хрусталя; хрупкий
кристалл’, а также ‘ускользающий, неуловимый объект: предмет, звук и
др.’: *на слух звенел хрусталь; не дышать над хрустальной каплей; Во
всех — единственной, хрустальной — глазах — слезой стоит звезда.* Язы-
ковые образы рождают и особые душевные вибрации, стремление передать
которые является одной из важнейших задач поэзии.

В отличие от прозаических произведений, в поэтических значитель-
ная роль отводится ритму, который представляет собой не только «простое

сочетание слов», но и «комплекс взаимосвязанных по законам музыки идей» (Томас Манн) [1, с. 229]. Для стихов В.А. Карпова характерно стремление к заведомо недостижимому идеалу, к которому он хочет приблизиться. По его мнению, «для стихотворения порой достаточно лишь слова. Все остальное раскручивается вокруг этого тревожившего мотива, недостижимого в его полной глубине». Таких слов много, все они разные, но постижение «глубины» их смысла, их взаимосвязей, взаимопревращений и эстетического преобразования является неотъемлемой составляющей его поэтического творчества. История страны, война, любовь, дружба и стремление быть понятым, юность и мудрость, случайности и переплетения судьбы, красота и нескончаемость мира, *«сплетенье связей всего со всем»* — вот лишь некоторые из тревоживших поэта мотивов, которые вылились в строки его стихов.

«Это речи глубина, омут с нетерпением, эту суть узнать до дна, захлебнувшись пенем. А итоги? Да пока об итогах рано... Правда, есть одна строка с глубиной раны», — так сказал о своих стихах 25-летний поэт. Пытаясь наиболее точно осмыслить и более полно показать языковое мастерство и, в конечном счете, эстетическую ценность поэзии В.А. Карпова, следует признать, что так высока цена не одной, а очень многих строк, которые — *«с глубиной раны»*. И эту глубину еще предстоит постичь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поэт и слово. Опыт словаря. М.: Наука, 1973.
2. Карпов В.А. Амальгама. Минск: Петит, 2000.
3. Карпов В.А. Дао. Минск, 2008.